

На правах рукописи

Рубцова Мария Викторовна

Репрезентация политической организации Римской империи IV в. в «Res gestae» Аммиана Марцеллина

Специальность 07.00.03 –
всеобщая история (Древний мир)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Екатеринбург – 2005

Работа выполнена на кафедре всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Глушанин Е.П.

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Лебедева Г.Е.;

кандидат исторических наук, доцент
Козлов А.С.

Ведущая организация: Тюменский государственный университет

Защита состоится «___» _____ 2005 года в ___ часов на заседании диссертационного совета Д 212.286.04 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук при Уральском государственном университете им. А.М. Горького (620083, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, комн. 248).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Уральского государственного университета им. А.М. Горького.

Автореферат разослан «___» _____ 2005 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук
профессор

В.А. Кузьмин

Общая характеристика работы

Научная значимость и актуальность темы

Любое исследование истории Поздней Римской Империи в 353-378 гг. в той или иной степени основывается на «Res gestae» Аммиана Марцеллина, так как до нас не дошло более детального описания событий этого периода, составленного к тому же современником, который признан самым крупным нарративным автором IV в. и последним представителем античной историографии. В то же время, современная теория исторического познания значительное внимание уделяет проблеме репрезентации фактов в исторических текстах, подверженности изображения этих фактов сознательным и бессознательным мотивациям. Сам термин «репрезентация» в последние десятилетия активно разрабатывается как в исторической науке, так и в философии и психологии. Несмотря на разницу в трактовках этого термина¹, можно выделить общую основу для его понимания, восходящую к первоначальному значению латинского *geraesentare* – «изображать», «представлять», «воспроизводить». Применительно к историческому исследованию можно согласиться с самым общим определением репрезентации, данным П. Рикером: репрезентация предстает «в виде интенциональности исторического дискурса»². При этом сфера применения термина, на наш взгляд, не сводится исключительно к литературоведческому анализу, распространенному в постструктуралистских теориях³. Изображение исторического факта так или иначе связано реальностью и зависит не только от стилистических особенностей произведения, но и от множества иных факторов (политических, социальных, психологических). Проблему соотношения сообщений историка и исторической реальности можно рассмотреть в рамках трех основных вопросов, сформулированных И. Сидатом в отношении Аммиана: «в какой мере он считается с исторической реальностью... что он воспроизводит из исторической реальности... и как он в своем труде историческую реальность изображает»⁴. Несовпадение исторического факта и его представленности в историческом повествовании делают вопрос о верификации источников одним из важнейших в современных исследованиях. Учитывая указанную важность «Res gestae» как источника, изучение особенностей изображения Аммианом исторической реальности представляется актуальным.

---

¹ См.: Тоштендаль Р. Конструктивизм и репрезентативизм в истории // Проблемы источниковедения и историографии. Материалы II Научных чтений памяти И.Д. Ковальченко. М., 2000. С. 63-74.

² Рикер П. Историописание и репрезентация прошлого // *Анналы на рубеже веков* – антология. М., 2002. С. 35.

³ См.: *Kompass der Geschichtswissenschaft: ein Handbuch* / Hrsg. von J. Eibach und G. Lottes. Göttingen, 2002. S. 332 ff.

⁴ Szidat J. *Ammianus und die historische Realität // Cognitione gestorum. The Historiographic Art of Ammianus Marcellinus*. Amsterdam; Oxford; New York; Tokyo, 1992. S. 108; ср. Barnes T.D. *Ammianus Marcellinus and the Representation of Historical Reality*. Ithaca, L., 1998. P. 19

Предметом настоящего исследования, таким образом, является репрезентация в «Res gestae» политической организации Римской Империи IV в. как совокупность отдельных фактов, отобранных и изложенных Аммианом в соответствии с его взглядами на задачи историописания и ценностной ориентацией, а также общих представлений о политической власти и государственном управлении. При этом внимание уделяется не столько формальной стороне исследовательской деятельности Аммиана, его методам, сколько содержанию его сообщений, которые отражают политические реалии с различным соотношением субъективности и объективности.

Степень изученности темы

Литература, посвященная Аммиану, весьма обширна⁵, и в ней уже освещены многие аспекты восприятия Аммианом политической реальности. Тем не менее, вопрос о надежности «Res gestae» как источника не исчерпан и в последнее время обнаруживает новые черты, заставляющие пересматривать выводы, утвердившиеся в историографии. Долгое время Аммиан рассматривался как беспристрастный историк и, соответственно, его сообщения о политическом процессе 353-378 гг. считались объективными и заслуживающими практически безоговорочного доверия. Такое отношение прослеживалось как в работах по позднеантичной истории в целом, так и в исследованиях, посвященных специально Аммиану. Э. Гиббон считал Аммиана историком, который, в отличие от его современников, не был подвержен предубеждениям, и в высшей степени объективно излагал исторические факты⁶. Аббат Ж. Жимазан в монографии, посвященной Аммиану, придерживался мнения о беспристрастности историка, хотя и указывал на некоторые искажения действительности, которые он связывал с «язычеством» Аммиана⁷. Он же выразил *opinio communis* на момент написания своей работы: «никогда беспристрастность историка не была более повсеместно признана, чем в отношении Аммиана»⁸. Такой крупнейший специалист по истории поздней античности, как О. Зеек, написавший статью об Аммиане для энциклопедии Паули-Виссова, так же рассматривал его как по преимуществу беспристрастного автора⁹. Основное внимание в изучении «Res gestae» как источника в XIX - начале XX в. сводилось по большей части к *Quellenforschung*, в котором утвердилось

---

⁵ См.: Ammiani Marcellini rerum gestarum libri qui supersunt, ed. W. Seyfarth. Vol. I. Leipzig, 1978. P. XXV-XLVII; Rosen K. Ammianus Marcellinus. Darmstadt, 1982. S. 183-221; Matthews J. The Roman Empire of Ammianus. L., 1989. P. 554-571; Каждан А.П. Аммиан Марцеллин в современной зарубежной литературе // ВДИ. 1972. № 1. С. 223-232.

⁶ Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи. Т. 2. М., 1997. С. 521; о предшествующих Гиббону исследователях см.: Elliott T.G. Ammianus Marcellinus and Fourth Century History. Toronto, 1983. P. 3-4.

⁷ Gimazane J. Ammien Marcellin: sa vie et son oeuvre. Toulouse, 1889.

⁸ Ibid. P. 348.

⁹ Ziek O. Ammianus // RE. I. 1984. Sp. 1851.

мнение о зависимости Аммиана от предшествующей литературной традиции¹⁰. Однако, даже эта зависимость не служила появлению серьезных сомнений в достоверности сообщений Аммиана. В связи с этим и в первой половине XX в. исследования, посвященные Аммиану, затрагивали в большей степени характерные черты его историописания и мировоззрения, не останавливаясь специально на детальном анализе его сообщений о политической организации с целью верификации¹¹.

Новый этап в изучении «Res gestae» связан с работой Э. Томпсона «Исторический труд Аммиана Марцеллина»¹². С одной стороны, английский историк, продолжая указанную историографическую традицию, привел дополнительные аргументы в пользу достоверности Аммиана, доказывая, что тот пользовался по преимуществу собственными наблюдениями и рассказами очевидцев событий. При этом, по мнению Томпсона, источники Аммиана были гораздо шире, чем у Тацита, пользовавшегося только сенаторской традицией, и это делает повествование Аммиана более информативным. В то же время, одной из задач, которые поставил исследователь, было изучение особенностей изображения (presentation) Аммианом исторических событий¹³. В такой формулировке обращают на себя внимание два аспекта: признание влияния на изображение Аммианом реальности его персональных предпочтений (personal likes and dislikes) и выбор для анализа отдельных политических событий, а не институтов. Томпсон впервые обозначил некоторые искажения Аммианом деталей политического процесса, видя причину этих искажений в «классовой принадлежности», а также в биографии Аммиана. Например, рассматривая Аммиана как антиохийского куриала, английский исследователь считал, что он был предубежден против цезаря Галла, который действовал в интересах «низших классов»; с классовой же принадлежностью связывается и критика отдельных действий Юлиана, который, тем не менее, представлен в «Res gestae» как идеальный правитель. Как солдат Аммиан идеализировал своего командира Урзицина, что также повлияло на искажение отдельных политических событий. Кроме этого, Томпсон указал на зависимость Аммиана от той политической ситуации, в которой он создавал свой труд.

Со времени выхода работы Э. Томпсона появилось множество исследований, посвященных Аммиану и особенностям репрезентации политического процесса в «Res gestae». Можно выделить два основных направления в современной историографии. Во-первых, остается в силе традиционный взгляд на Аммиана как на по преимуществу беспристрастного исследователя. Наиболее последователен в этом отношении Дж. Мэттьюс:

---

¹⁰ См.: Каждан А.П. Аммиан Марцеллин в современной зарубежной литературе // ВДИ. 1972. № 1. С. 225.

¹¹ См., напр.: Ensslin W. Zur Geschichtsschreibung und Weltanschauung des Ammianus Marcellinus. Aalen, 1963 (репринт издания 1923 г.).

¹² Thompson E.A. The Historical Work of Ammianus Marcellinus. Cambridge, 1947.

¹³ Ibid. P. XII.

«он (Аммиан. – М.Р.) выразительный свидетель почти каждого аспекта жизни и общества его времени»¹⁴. Объемная работа Дж. Мэттьюза «Римская империя Аммиана» основана на таком подходе и затрагивает многие аспекты истории позднеантичного общества, в том числе и политическую организацию. По мнению исследователя, «Аммиан был абстрактным теоретиком в вопросах политики не больше, чем в вопросах философских или религиозных. Его взгляды на имперское управление и его деятельность в этом смысле не оригинальны, но откровенны и полезны»¹⁵.

Второе направление, объединяющее различные подходы, связано с выявлением искажений Аммианом исторической (политической) реальности и их причин. Среди работ данного направления следует, прежде всего, отметить те, которые посвящены общей исторической концепции Аммиана, его методам изображения исторической действительности. В центре внимания при этом оказывалось «искусство» изображения или историописания Аммиана в передаче исторических событий (*Darstellungskunst*, *historiographic art*). Так, К. Розен показал, как законы историописания и литературные приемы повлияли на изображение Аммианом политического процесса. Исследование Розена построено на анализе отдельных сюжетов – войны с персами 359 г., цезарата Юлиана, деятельности Юлиана как августа, которые показывают применение Аммианом отдельных художественных приемов, искажающих историческую действительность. Также немецкий исследователь, ученик школы И. Штрауба, специально проанализировал формы композиции, изображения и исторических суждений в «*Res gestae*». При этом он затронул лишь наиболее показательные эпизоды, и лишь курсивом обозначил общие взгляды Аммиана на политическую организацию Поздней Империи, сконцентрировав внимание на влиянии, которое оказывала на Аммиана теория идеального правителя¹⁶. Но работа Розена указывает на то, что изучение стиля Аммиана и применения им художественных приемов перестали быть самоцелью. Основной задачей исследования стала проверка достоверности (*Glaubwürdigkeit*) важнейшего источника для второй половины IV в.

Значительную роль в исследовании Аммиана сыграла работа Г. Сабба «Метод Аммиана Марцеллина. Исследования о конструкции исторического дискурса в *Res gestae*», в которой французский ученый скрупулезно изучил источники Аммиана и его методы работы с ними¹⁷. Рассматривая труд Аммиана как «экзистенциальный проект», Сабба отметил, что «было бы чрезмерным считать, что история Аммиана полемична; но не

---

¹⁴ Matthews J. The Roman Empire... P. 228; Idem. Ammianus on Roman Law and Lawyers // *Cognitio gestorum*. P. 57.

¹⁵ Matthews J. Roman Empire... P. 252.

¹⁶ Rosen K. Studien zur Darstellungskunst und Glaubwürdigkeit des Ammianus Marcellinus. Bonn, 1970. S. 215-227.

¹⁷ Sabbah G. La méthode d'Ammien Marcellin. Recherches sur la construction du discours historique dans les *Res Gestae*. P., 1978.

менее справедливо, что она очень воинственна, и что ее автор не боролся исключительно за знание (science) и за мораль, но так же за или против людей и идей, вокруг которых образовывались «кливажи» более глубокие и более реальные в обществе его времени»¹⁸. В связи с этим, как показал Сабба, сообщения Аммиана, при их кажущейся достоверности, содержат значительную долю как бессознательных искажений, так и «демонстративных интенций». Через двадцать лет после появления работы Сабба вышла монография Т. Барнса, специально посвященная репрезентации Аммианом исторической реальности¹⁹. В ней заново рассмотрены узловые моменты мировоззрения Аммиана и методы его исторического повествования, повлиявшие на изображение современного ему общества. Исследование репрезентации исторической реальности у Аммиана Барнс не сводит только к анализу стилистических особенностей «Res gestae», которые, по его словам, действуют на бессознательном и полусознательном уровне так же, как и на сознательном. «Систематическое исследование структуры, природы и качества «Res gestae» Аммиана» Барнс осуществляет как с литературных, так и с исторических позиций. Тем не менее, его анализ взглядов Аммиана на политические реалии ограничивается лишь наиболее важными «историческими деятелями».

Указанные работы посвящены более широкой проблематике, чем собственно репрезентация политической системы Поздней Империи в «Res gestae», но так как именно политическая сфера была центральной темой античного историописания, то в них неизбежно затрагивался вопрос о верификации сообщений Аммиана относительно данной сферы. Особенностью этих работ является рассмотрение политики в ее динамических, а не институциональных характеристиках, повышенное внимание к оценке Аммианом отдельных персоналий (императоров, прежде всего).

Определенное внимание западные исследователи уделяют анализу изображения отдельных политических реалий в «Res gestae». Хотя проблема верификации сообщений Аммиана решается учеными по-разному, общим является стремление выявить ту основу политических воззрений Аммиана, которая приводила к его особой интерпретации событий и влияла на подбор излагаемых фактов. Так, согласно С. д'Эля, Аммиан был апологетом язычества и поэтому его оценки императоров-христиан негативны. Эту точку зрения поддержал Т. Эллиотт²⁰. А. Демандт рассмотрел «Res gestae» как первый после Тацита образец всеобъемлющей критики римского общества, в том числе и политики²¹. Но эта критика была направлена не на саму систему управления, а на отдельных индивидов и их действия. Наиболее подробным

---

¹⁸ Ibid. P. 596.

¹⁹ Barnes T.D. Ammianus Marcellinus and the Representation of Historical Reality. Ithaca, L., 1998.

²⁰ Elliott T.G. Op. cit. passim.

²¹ Demandt A. Zeitkritik und Geschichtsbild im Werk Ammians. Bonn, 1965.

исследованием этого направления является монография Р. Блокли «Аммиан Марцеллин: исследование его историографии и политической мысли»²². В этой работе прослежена взаимосвязь политических воззрений Аммиана и его этических взглядов, обусловившая особенности репрезентации политического процесса. По словам исследователя, для Аммиана «люди и их характеры имеют значение в истории, а не политические системы, экономические силы и т.д.». Поэтому, с одной стороны, императоры занимали ведущее место в историческом повествовании и являлись центром «для критики историком политической системы», а с другой – в основе политических оценок Аммиана лежали моральные принципы. Как показывает уже название монографии, для Блокли рассмотрение взглядов Аммиана на политическую организацию было тесно связано с общей оценкой его «искусства историописания», что определило основной метод и организацию материала. Вся работа построена по принципу изучения отдельных моментов, иллюстрирующих подход Аммиана к исследованию политического процесса. При этом Блокли исследовал не политическую организацию в изображении Аммиана (проблема изображения в «*Res gestae*» структур государственного управления практически не рассматривается), а его оценки отдельных императоров и их политики.

При отсутствии систематического исследования взглядов Аммиана на политическую систему в целом, конкретизации представлений позднеантичного историка служит целый ряд работ, посвященных различным аспектам указанной проблематики. Так, исследуются политическая лексика Аммиана²³, изображение в «*Res gestae*» военной организации²⁴, политической роли женщин императорской фамилии²⁵, отдельных политических событий²⁶ и т.д.²⁷. Данный обзор, ни в коей мере не претендующий на полноту (в библиографическом списке, составленном К. Розеном в 1982 г.,

---

²² Blockley R.C. *Ammianus Marcellinus: A Study of His Historiography and Political Thought*. Bruxelles, 1975.

²³ Seager R. *Ammianus Marcellinus. Seven Studies in His Language and Thought*. Columbia, 1986. Milin M.D. *The Imperial Terminology According to Ammianus Marcellinus' Res gestae // The Age of Tetrarchs*. Belgrade, 1995. P. 67-74. В определенной мере к этим работам можно отнести монографию А. Брандта, поскольку исследуемые им «моральные ценности» каталогизированы на основе императорских «некрологов», то есть непосредственно отражают лексикон, к которому Аммиан прибегал в оценке политических действий: Brandt A. *Moralische Werte in den Res gestae des Ammianus Marcellinus*. Göttingen, 1999.

²⁴ Crump G.A. *Ammianus Marcellinus as a Military Historian*. Wiesbaden, 1975; Austin N. J. E. *Ammianus on Warfare: An Investigation into Ammianus' Military Knowledge*. Bruxelles, 1979.

²⁵ Wieber-Scariot A. *Zwischen Polemik und Panegyrik: Frauen des Kaiserhauses und Herrscherinnen des Ostens in den Res gestae des Ammianus Marcellinus*. Trier, 1999.

²⁶ Один из ярчайших примеров – комментарий И. Сидата к XX-XXI книгам, центральной темой которых является узурпация Юлиана: Szidat J. *Historischer Kommentar zu Ammianus Marcellinus Buch XX-XXI. Teil I-III*. Wiesbaden-Stuttgart, 1977-1996.

²⁷ Изображению Аммианом политических процессов и институтов IV в. посвящена, например, и значительная часть международных сборников: *Cognitio gestorum...: The Late Roman World and Its Historian: Interpreting Ammianus Marcellinus* / Ed. by J.W. Drijvers and D. Hunt. L., N.Y., 1999.

насчитывается более 400 названий), показывает, тем не мене, что в зарубежной историографии не пропадает интерес к труду Аммиана, который в последние десятилетия рассматривается как раз с позиций репрезентации исторической реальности, хотя сам термин используется преимущественно в англоязычной и французской историографии²⁸. В то же время, многочисленные исследования изображения в «Res gestae» отдельных аспектов политической организации позднеримского общества дают обширную, но разрозненную картину, не сводя взгляды Аммиана в данном вопросе в единую систему.

Отечественные исследователи уделяли Аммиану незначительное внимание, о чем свидетельствует, например, отсутствие специальной монографии на русском языке, посвященной историку. В дореволюционный период Ю.А. Кулаковским и А.И. Сонни был сделан полный перевод «Res gestae», единственный на сегодняшний день. В краткой общей характеристике (копирующей выводы и схемы самого Аммиана), данной во введении к переводу, труд Аммиана оценивается как исключительно правдивый и нетенденциозный, что, в целом, совпадает и с распространенным в то время у зарубежных авторов взглядом²⁹. Появившиеся в советский период статьи рассматривали Аммиана как свидетеля кризиса Империи, причем его сообщения признавались в целом объективными, хотя и классово обусловленными³⁰. Кроме того, согласно В.С. Соколову, Аммиан был предан «своей идее восстановления мощного Римского государства с центром в Риме, с главной опорой в лице римского сената, имеющего в своем составе доблестных представителей старинной римской знати»³¹. Классовая и обусловленная ей идеологическая позиция, по мнению советских исследователей, не позволяла Аммиану «правильно» осознать политический процесс своего времени, хотя его сообщения о нем достоверны. Так, по словам В.Д. Нероновой, в труде Аммиана «раскрывается, независимо от воли автора, величайшая активная роль народных масс в истории».

---

²⁸ Помимо работы Барнса см., напр.: Sabbah G. Présences féminines dans l'histoire d'Ammien Marcellin. Les rôles politiques // *Cognitio gestorum*...P. 91. В немецкой историографии, как правило, используется термин «изображение» (Darstellung), подробно разработанный еще в знаменитой работе Э. Ауэрбаха «Мимесис». Но современное понимание данного термина близко к тому, что обозначается и как «репрезентация» исторической реальности.

²⁹ Аммиан Марцеллин. История. Т. 1. Киев, 1906. С III-XXXII.

³⁰ См.: Холмогоров В.И. Римская стратегия IV в. у Аммиана Марцеллина // ВДИ. 1939. № 3. С. 89-102; Розенталь Н.Н. Социально-политические воззрения языческой интеллигенции поздней Римской империи (Либаний и Аммиан Марцеллин) // Труды Одесского государственного университета. Вып. 49. Т. 2. 1947. С. 89-116; Неронова В.Д. Отражение кризиса Римской империи в «Истории» Аммиана Марцеллина // Ученые записки Пермского государственного университета. Вып. 20. 1961. С.71-100. Она же. Аммиан Марцеллин о варварах // Ученые записки Пермского государственного университета. Вып. 143. С. 65-80.

³¹ Соколов В.С. Аммиан Марцеллин как последний представитель античной историографии // ВДИ. 1959. № 4. С. 61.

Наиболее полно в советской историографии «Res gestae» рассматривается в первой главе монографии З.В. Удальцовой «Идейно-политическая борьба в ранней Византии»³². В ней подробно исследуются различные аспекты мировоззрения Аммиана и его изображение различных сфер жизни позднеантичного общества, и безусловно признается его достоверность, основанная на личном опыте и устной традиции. Социально-политические взгляды, общая историко-философская концепция и художественная манера приводили к особой, не совпадающей со взглядами других авторов интерпретации исторических событий, но не к их искажению. Основа воззрений Аммиана на политическую организацию выражена З.В. Удальцовой следующим образом: «В политике Аммиан – сторонник неограниченной законной власти императора. Эта консервативная идея прочно вошла в плоть и кровь старого римского солдата Аммиана»³³. В то же время отмечается «обличительная направленность», «политическая оппозиционность» труда Аммиана, которую З.В. Удальцова связывала с влиянием сенаторской идеологии. При этом вопрос о том, как сочетаются защита Аммианом «легитимного принципа государственной власти» и разоблачения «злодеяний» практически всех изображенных в «Res gestae» императоров, остается в работе З.В. Удальцовой нераскрытым. Ценность указанной работы заключается в привлечении максимального числа зарубежной, прежде всего, литературы, что позволяет оценить накопленный к началу 70-х годов прошлого века опыт исследования «Res gestae».

Переосмысление отношения к Аммиану в постсоветской историографии отражается в диссертации Р.У. Ибатуллина, который попытался выявить «связующие линии между биографией Аммиана и историей его времени»³⁴. Помимо выявления собственно биографических фактов в работе рассматриваются воззрения Аммиана на некоторые аспекты позднеантичного общества, в том числе и на относящиеся к нашей теме, а именно на знатность и «этническую структуру» (термин Р.У. Ибатуллина), которая охватывает как внутриимперские народы, так и варваров. Тем не менее, выбранный Р.У. Ибатуллиным метод не представляется эффективным, так как Аммиан не являлся значимой фигурой в политике своего времени. В связи с этим биографические данные (очень скудные, на самом деле) не дают прочной основы для реконструкции всего спектра политических и общественных отношений, очерченных автором³⁵.

---

³² Удальцова З.В. Идейно-политическая борьба в ранней Византии (по данным историков IV-VII вв.). М., 1974. С. 7-82. Основные положения этой работы воспроизведены автором также в: Удальцова З.В. Развитие исторической мысли // Культура Византии. IV – первая половина VII в. М., 1984. С. 124-139.

³³ Там же. С. 49.

³⁴ Ибатуллин Р.У. Аммиан Марцеллин: проблемы биографии в контексте эпохи. Автореф. дисс...канд. ист. наук. Казань, 2000. К сожалению, у нас не было возможности ознакомиться с полным текстом диссертации, поэтому наши суждения основаны только на автореферате.

³⁵ Там же. С. 3.

Таким образом, в историографии, особенно отечественной, существуют определенные пробелы в изучении представлений Аммиана о политической сфере современного ему общества. При достаточно полной разработке темы «репрезентация исторической реальности» можно сказать о слабом внимании к проблеме «репрезентация политической организации» в «Res gestae».

Цель и задачи исследования

Целью исследования является рассмотрение взглядов Аммиана на политическую организацию Римской Империи IV в. и оценка достоверности репрезентации политических реалий – процессов и институтов – в «Res gestae». Античному историописанию было чуждо целостное рассмотрение политической системы, поэтому наши выводы должны основываться на синтезе отдельных сообщений Аммиана.

Указанная цель предполагает решение следующих задач:

- выявление факторов, влиявших на изображение Аммианом политической организации, и степени обусловленности его сообщений этими факторами;
- систематизация представлений Аммиана о политической власти и ее субъектах как основе осмысления им политического процесса;
- определение представлений Аммиана о сущности и принципах функционирования основных политических институтов государственного управления;
- изучение «исследовательского интереса», повлиявшего на степень представленности элементов политической системы в «Res gestae»;
- отделение реального и идеального в сообщениях Аммиана.

Методология исследования

Очерченные задачи определяют и методологическую базу исследования. Наряду с принципом историзма, позволяющим рассмотреть явление в контексте конкретной исторической среды, и общенаучными и специальными историческими методами логического, хронологического историко-типологического и сравнительно-исторического анализа, в работе применены политологические (структурно-функциональный анализ) и источниковедческие методы. Так как целью исследования служит синтез разрозненных сообщений Аммиана о политической организации Поздней Империи, то целесообразным представляется применение «когнитивного картирования», который «делинеаризирует текст, обеспечивая его представление в виде картинки»³⁶.

---

³⁶ Смирнова О.П. История в зеркале религиозных представлений «последних язычников» // Сравнительное изучение цивилизаций мира. М., 2000. С. 310.

Источники

Верификация сообщений Аммиана основывается, с одной стороны, на определении «круга идей», воспринятого Аммианом и ставшего основой для его оценки современного политического процесса, а с другой – на сравнительном анализе сообщений Аммиана и других источников по интересующему периоду. Это определяет источниковую базу исследования, которая помимо собственно «Res gestae» включает ряд источников различного характера. Для понимания теоретических построений, влиявших на Аммиана, потребовалось обращение не только к современным ему авторам, но и к произведениям предшествующих периодов, так как позднеантичная политическая теория и концепции историописания складывались под влиянием длительной традиции, берущей начало в классическую эпоху. Философские произведения Платона, Аристотеля, Цицерона, Диона Хрисостома, а также исторические труды Полибия и Тацита, прежде всего, в значительной мере повлияли на теоретическое осмысление политики и задач историописания Аммианом.

Как своеобразие, так и традиционность взглядов Аммиана на политическую организацию выявляются на основе сопоставления с современной ему политической теорией, представленной в источниках различного характера. Нужно отметить, что в поздней античности обозначилось два основных направления развития политической мысли: «языческое», в большей степени ориентированное на традицию, и христианское. Несмотря на то, что вопрос об отношении Аммиана к христианству решается в современной историографии неоднозначно, совершенно очевидно, что по своим политическим воззрениям он относится к светскому, «языческому» направлению. Поэтому произведения христианских авторов не рассматриваются специально в нашем исследовании, их сведения привлекаются лишь в тех случаях, когда наблюдается очевидное единство представителей обоих направлений в оценке отдельных элементов политической организации общества.

Для выявления «круга идей», современного Аммиану, важны свидетельства историков IV в. – Евтропия, Аврелия Виктора, неизвестных авторов «Эпитомы» и *Historia Augusta*. Их сопоставление позволяет определить общие черты историко-политических концепций, распространенных в светском, латиноязычном историописании и степень воздействия их на Аммиана. Важнейшим источником в этом отношении служат также панегирики (*Panegyrici Latini*, некоторые речи Симмаха, Фемистия, Либания, Юлиана), связь которых с позднеантичным историописанием была гораздо теснее, чем может показаться на первый взгляд³⁷. Этот тип речей позволяет выявить «самооценку» императорской

---

³⁷ См.: Zimmermann M. *Enkomion und Historiographie: Entwicklungslinien der kaiserzeitlichen Geschichtsschreibung vom 1. Bis zum frühen 3 Jh. n. Chr. // Geschichtsschreibung und politischer Wandel im 3. Jh. n. Chr.* Stuttgart, 1999. S. 17-56.

власти и те элементы позднеантичной политической теории, которые использовались императорской пропагандой, влияние которой на историописание также нельзя игнорировать. Информация панегириков дополняется эпиграфическими и нумизматическими источниками, иллюстрирующими, как императорская власть представляла себя обществу. Сведения современных (или предшествующих) Аммиану авторов в определенной мере дополняются более поздними произведениями, такими как поэмы Клавдиана или речь Синезия «О царстве». Созданные в уже отличавшейся исторической ситуации, они, тем не менее, во многом опираются на тот же «круг идей», и именно в этом отношении могут быть полезны для настоящего исследования.

Многие из указанных источников служат также и для оценки достоверности Аммиана, поскольку содержат описания событий, изображенных в «Res gestae»³⁸. В этом случае сообщения Евтропия, Аврелия Виктора, автора «Эпитомы» дополняются информацией Евнапия и Зосима, для которых, как и для Аммиана, центральным историческим персонажем, воплотившим идеал правителя, был Юлиан. Официальная версия некоторых событий содержится в панегириках Симмаха, Мамертина, Фемистия, Либания, Юлиана, сопоставление которых с повествованием Аммиана выявляет его отношение к пропаганде императорской власти. Особую роль в верификации изображения Аммианом структур государственного управления Империи и его оценки деятельности отдельных императоров играют законодательные источники – кодексы Феодосия и Юстиниана, прежде всего, поскольку в них отражается реальная политика императорской власти в различных сферах управления.

Новизна исследования заключается в том, что впервые в отечественной историографии систематически рассматриваются взгляды Аммиана на политическую организацию Римской Империи IV в. и разрабатывается проблема достоверности «Res gestae» как источника. Кроме того, систематизация взглядов Аммиана на политическую организацию с точки зрения институционального подхода заполняет обозначенные в историографическом обзоре пробелы в исследовании взглядов Аммиана не только отечественными, но и зарубежными авторами.

Структура работы

Структура работы определяется задачами и методами исследования. Информация «Res gestae» структурируется исходя из рассмотрения основных институтов позднеантичной политической системы. При этом представляется целесообразным рассмотреть особенности позднеантичной политической теории, чему посвящена первая глава. Во второй главе исследуются взгляды Аммиана на политическую власть как основу античного понимания политики в целом. Третья глава посвящена структурам государственного управления в

---

³⁸ Полный обзор источников по IV в. см.: Karayannopoulos I., Weiss P. Quellenkunde zur Geschichte von Byzanz (324-1453). Wiesbaden, 1982. S. 239 ff.

изображении Аммиана. Работа содержит также два приложения, в которых представлены схемы системы государственного управления Поздней Империи и ее социальной структуры.

Практическая значимость диссертации

Материал и основные выводы работы могут быть использованы в исследованиях по истории Поздней Римской Империи, источниковедению поздней античности, истории политических учений. Кроме того, материал диссертации может использоваться при подготовке учебных курсов по истории античности, истории политических учений и специальных курсов соответствующей тематики.

Апробация работы

Некоторые положения данной работы были обсуждены на следующих конференциях: I научно-практическая конференция молодых ученых ИФ АГУ (Барнаул, 2000); II научно-практическая конференция молодых ученых ИФ АГУ (Барнаул, 2001); XXXIX Международная научная студенческая конференция «Студент и научно-технический прогресс» (Новосибирск, 2001), а также на семинаре кафедры восточноевропейской истории Рурского университета г. Бохум (Германия) в рамках трехмесячной стажировки (2003 г.).

Основное содержание работы

Введение

Во введении обоснована актуальность темы, сформулированы предмет, цели и задачи исследования, обозначены степень изученности темы, научная новизна и методологическая основа исследования, дана характеристика источников. Также во введении приведены те данные биографии Аммиана, которые способствуют пониманию его взглядов.

Глава I «Состояние позднеантичной политической теории в IV в.» посвящена тем аспектам политической теории, которые могли повлиять на репрезентацию Аммианом современных ему политических реалий. При этом рассматриваются, прежде всего, «языческие» вариации позднеантичной политической теории, поскольку Аммиан относился к кругу авторов, которые подчеркивали традиционность своих политических взглядов, заключающуюся в постоянном обращении к авторитету мыслителей, произведения которых составляли основу риторического и философского образования.

Политическая теория Поздней Империи IV в. своеобразно преломила предшествующие концепции в соответствии с новой политической реальностью. Она строилась уже не на дискуссии о лучшей форме государственного устройства, а на подборе принципов монархической власти, которые соответствовали ожиданиям общества, или, по крайней мере, определенных социальных групп. При этом даже признание божественного

происхождения императорской власти не вытесняло идею ее самоограничения. Напротив, «имитация» божественной власти императором подразумевала не произвольное правление, обозначавшееся как тирания-узурпация и рассматривавшееся как не имеющее божественной санкции, а деятельность, направленную на благо всех подданных Империи. Таким образом, политическая теория IV в. не только отражала реальность, но и предъявляла иммунизирувавшейся императорской власти определенные требования, концептуализированные в теории «идеального правителя». Поэтому авторами IV в., как официозными (панегиристы), так и критически настроенными (Либаний, Аммиан, Евнапий), императорская власть рассматривается с позиций именно этой теории, что с неизбежностью влияло и на репрезентацию исторической действительности.

Глава II «Аммиан Марцеллин о политической власти» содержит анализ воззрений Аммиана на источники, сущность и распределение политической власти в позднеримском обществе.

Параграф первый «Субъекты политической власти» посвящен синтезу воззрений Аммиана на группы и индивиды, активно действовавшие на «политическом поле», участвовавшие в принятии государственных решений или влиявшие на их принятие.

Согласно политической теории IV в., в узком смысле единственным субъектом власти был император, обладавший всей ее полнотой, и тем самым противопоставленный «объекту» властвования – подданным (*oboedientes, subiecti*). Но в то же время даже на уровне государственной идеологии сохранялось представление об императорской власти как следующей не собственному произволу, а «общему благу», содержание которого фактически складывалось из интересов отдельных социальных групп. Также и тенденция к пересмотру в современном антиковедении тезиса об абсолютном характере позднеримской императорской власти расширяет представления о субъектах политической власти, определение которых связано как с традициями, восходящими к периоду принципата, так и с изменившейся социальной ситуацией в Империи.

Сравнивая сообщения Аммиана, с одной стороны, с воззрениями предшествующих авторов (Тацита, прежде всего), а с другой – с содержащимися в современной историографии концепциями, можно выделить следующие особенности его представлений о субъектах политической власти.

Как и для других авторов эпохи, политическая власть для Аммиана – это, прежде всего, императорская власть, которая обозначается *imperium* или *potestas*. При этом Аммиану чужда идея абсолютной власти одного человека. Понимая, что для ограничения власти императора не существовало никаких «конституционных» рамок, историк воспринимает концепцию, согласно которой император, согласуясь с «общим благом» (XXV. 3. 8; XXIX. 2. 18; XXX. 8. 14), сам должен следовать закону, исключая собственный произвол.

Единственным ограничением произвола императорской власти служит, по Аммиану, только воля самого императора, обладающего определенным набором моральных качеств. Но это не снимает проблемы распределения политической власти в изображении Аммиана, поскольку политический процесс не сводится в «*Res gestae*» лишь к действиям императора, и он не предстает единственным воплощением государства. Последнее обозначается чаще всего термином *res publica*, но его значение уже не связано со знаменитой формулой Цицерона *res publica est res populi*, так как «забота» о государстве теперь всецело возлагается на императора.

Применительно к IV в. *populus* у Аммиана не выступает как носитель государственного суверенитета и предстает чаще как незначительная и пассивная в политическом отношении группа, хотя нельзя говорить о ее абсолютном исключении из политической сферы. Трансформация социальной структуры Империи в III-IV вв. предопределила употребление Аммианом термина *populus* для обозначения городского плебса (напр. XIV. 7. 10; XXVI. 6. 17; XXII. 9. 4). Эта группа рассматривается как по преимуществу дестабилизирующий фактор, причина постоянных волнений (*populi seditiones*). В основном *populus*, как и *provinciales*, рассматривается Аммианом как объект властвования. Исключения, в которых они представлены одной из легитимирующих императорскую власть инстанций (XX. 9. 7; XXVI. 6. 8), не связаны с объективным изображением исторической действительности, а подчинены субъективным оценкам Аммиана, который в одном случае старался оправдать узурпацию Юлиана, а в другом – подчеркнуть незаконность притязаний на трон Прокопия.

Более активным и значимым в политическом отношении Аммианом признается сенат, не смотря на то, что роль сената по сравнению со временем принципата изменилась и была принижена. Сенат или «знать» (*nobiles*) выступает у Аммиана как вполне самостоятельная политическая группа, имеющая определенное влияние на политику, с одной стороны, как обладающая частью своих традиционных полномочий, а с другой – как преследующая свои групповые интересы общность, из которой пополнялось высшее чиновничество. Вторая функция сената, представленная у Аммиана, в большей степени соответствует политическим реалиям, тогда как подчеркивание политического значения сената как института относится скорее к идеалу, существовавшему, в первую очередь, в среде самих сенаторов, составлявших аудиторию Аммиана. Даже в изложении фактов взаимодействия императорской власти и сената превалирует изображение «произвола» императоров и чиновников в отношении этого сословия (напр. XXVIII. 1-2).

Роль одной из важнейших политических групп у Аммиана играет армия, что, в целом, соответствовало соотношению политических сил в IV в. Наряду с признанием за армией склонности к бунту (XIV. 7. 9; 10. 4-5; XVI. 12. 14) и естественного внешнеполитического значения, Аммиан

значительное внимание уделяет аккламации императора войском. При этом как действительный субъект власти представлены высшие офицеры, которые в случае, когда пустовал трон, выдвигали кандидата на принятие императорской власти. Рядовая солдатская масса может выступать в «Res gestae» и как относительно пассивный элемент, одобряющий выбор либо правящего императора при назначении соправителя (XV. 8. 4-16; XXVI. 4. 3; XXVII. 6. 4-13), либо офицерской верхушки (XXVI. 2. 3; XXX. 10. 5), и как активный, побуждающий принять императорский титул (XX. 4. 17-22; ср. XXVI. 2. 3-4).

В наибольшей степени связанными с принятием политических решений выступают чиновничество и императорский двор, которые, с одной стороны, непосредственно влияют на политику, а с другой, являются носителями государственной власти. Если в отношении всех остальных выделенных групп по большей мере применимо понятие «объекта» властвования, поскольку они не были наделены властными полномочиями, то чиновничество имеет непосредственное отношение к распределению власти. В отличие от *imperiū*, которым в поздней античности обладал только император, *potestas*, делегированная гражданским и военным чиновникам различного уровня, характеризует иерархию власти, ее организацию. Определение указанных групп как субъектов власти основывается и на их роли в политическом процессе. Часто именно приближенные императора рассматриваются Аммианом как инициаторы того или иного политического действия, пользующиеся своим влиянием на императора для реализации своих политических интересов. В качестве этих групп выступают у Аммиана, прежде всего, консисторий, а также евнухи.

Как и большинство античных авторов, Аммиан не разделяет институциональное и персональное рассмотрение политической власти: большинство политических институтов в «Res gestae» описывается через личностные характеристики носителей властных полномочий. Институционально (хотя тоже не без «морального» измерения) рассматриваются как правило лишь наиболее крупные группы – армия, народ, отчасти сенат, – которые в политическом процессе представлены скорее ведомыми силами.

Во *втором параграфе* рассматриваются взгляды Аммиана на императорскую власть как центральный элемент политической организации общества. Изложение фактов и суждения об императорской власти являются во многом результатом синтеза представлений Аммиана об идеале императорской власти (ядром которых являлась «теория идеального правителя») и непосредственно наблюдаемых историком политических реалий. Поэтому в сообщениях Аммиана можно выделить как непосредственное отражение реального политического процесса, так и определенное искажение действительности, попытку соотнести идеал императорской власти и реальность.

Особенности репрезентации позднеримской императорской власти в «Res gestae» прослеживаются уже на уровне терминологии, применяемой Аммианом. Как и другие авторы эпохи, Аммиан старается избегать ставшего преобладающим со времени Диоклетиана императорского титула *dominus*, имевшего в политической теории IV в. негативный оттенок. Хотя Аммиан использует его для передачи исторических реалий (XIX. 2. 1; XXI. 3. 5; XXIII. 3. 8; XXIX. 5. 46), в его собственных суждениях об императорской власти и ее носителях в большей степени употребительными являются термины *princeps* (*principatus*), *imperator* (*imperium*), *potestas*. Но в данном случае Аммиан не столько игнорирует или искажает политические реалии, сколько выбирает те элементы, которые соответствуют его пониманию сущности императорской власти, поскольку даже государственная идеология и пропаганда, культивируя представление об императоре как защитнике «свободы», не отказались от титулов предшествующей эпохи.

Значительное внимание Аммиан уделяет проблеме преемственности императорской власти, ее источникам, и его сообщения в данном случае представляются основанными на реальных событиях. Изучение взглядов Аммиана на источники власти заключено в рамки достаточно сложной проблемы легитимности императорской власти в поздней античности. В этом отношении «Res gestae» представляет собой уникальный источник, поскольку в нем несколько раз встречается термин *legitimus*, примененный для обозначения императорской власти. Его употребление у Аммиана имеет несколько вариантов: во-первых, при описании процедуры выборов императора (XXV. 5. 3; XXVI. 4. 3; XXX. 10. 5); во-вторых, для противопоставления законного императора и узурпатора (XXVI. 9. 10; XXVII. 5. 1) или подчеркивания противоправности действий против императорской власти (XXX. 10. 1); в-третьих, в общем рассуждении об императорской власти (XIX. 12. 17); и, наконец, как эпитет (XV. 8. 21). Анализ употребления данного термина в «Res gestae» показывает, что источник императорской власти для Аммиана заключен в «конституционные» рамки, что делает для него несущественными концепции, согласно которым император признавался «одушевленным законом», а императорская власть имеющей божественное происхождение.

Легитимная императорская власть признается Аммианом высшей ценностью в политическом отношении, хотя он не оправдывает всех ее действий, оценивая деятельность императоров исходя из представлений об идеале. Исходным пунктом при рассмотрении императорской власти для Аммиана служил постулат о благе подданных как главной заботе императора. Только в случаях соответствия этому требованию власть императора обозначается *iustum imperium*, что указывает на ее справедливость и законность.

В вопросе о сущности и источниках императорской власти труд Аммиана может рассматриваться как репрезентативный источник, поскольку

в нем воспроизводятся представления современного историку общества. Соотношение реальности и идеала в оценке деятельности отдельных императоров представляется более сложным, так как здесь Аммиан более субъективен и зачастую выступает как философ-моралист, осуждающий императора за отход от идеала. С одной стороны, эта критика дает представление о реальных действиях императорской власти в период 353-378 гг., а с другой – иногда искажает действительность для более полной и убедительной аргументации изложенного мнения. Выделяя из всех сфер деятельности императора судопроизводство, охрану границ и налогообложение, Аммиан последовательно положительно относится только к действиям Юлиана, тогда как другие императоры в большей степени подвергаются критике.

Особое внимание Аммиан уделяет стабильности императорской власти, что можно рассматривать и как стабильность всей политической системы в целом. Сама императорская власть рассматривается в соответствии с политической теорией IV в., что определило содержание ожиданий Аммиана от конкретных правителей. Несоответствие этим ожиданиям повлияло на репрезентацию не только политических событий, но и личностей самих императоров, так как высшая власть, по канонам античной политической мысли, описывалась по большей мере через персональные характеристики ее носителей. Поэтому мы можем говорить об определенной пристрастности Аммиана, которая во многом основывалась на его представлении об идеале императорской власти. Сам же идеал вырабатывался как из традиции, так и из меняющейся политической ситуации, из критики конкретных действий императорской власти.

Глава III «Аммиан Марцеллин» о структурах государственной власти в IV в.» посвящена воззрениям Аммиана на важнейшие элементы системы государственного управления Поздней Империи.

В *первом параграфе* «Гражданская администрация и позднеантичное судопроизводство» систематизируются высказывания Аммиана относительно общих принципов управления и его оценки деятельности конкретных представителей аппарата гражданской администрации.

Действия чиновников в «Res gestae» являлись одной из основ для характеристики императора. Поэтому значительное место Аммиан уделяет вопросу о принципах назначения на государственные посты. Представляется, что в основе взглядов Аммиана на чиновничество лежит традиционная греко-римская система ценностей, в которой принадлежность к аппарату государственного управления была эквивалентна высокому социальному престижу и описывалась терминами *honor* и *dignitas*, которые часто в поздней античности являлись синонимом *potestas*. Поэтому в IV в. сохранялось характерное как для республики, так и для принципата мнение, что должности должны предоставляться исходя из знатности и заслуг кандидата. Несмотря на то, что императорская власть в Поздней Империи далеко не

всегда придерживалась такого принципа, он воспроизводится многими авторами этого периода, в том числе и Аммианом. Противоречие между реальной кадровой политикой императоров и представлениями Аммиана раскрывается в несоответствии ее общей характеристики в императорских «некрологах», где все императоры оцениваются Аммианом положительно с точки зрения выбора кандидатур на высшие посты, и конкретными оценками в ходе предшествующего повествования.

Высшее чиновничество (двор) как у Аммиана, так и в позднеантичной политической теории IV в. в целом, представлялось инстанцией, при помощи которой император осуществлял свою власть. В связи с этим, структура гражданского управления представлена у Аммиана в основном приближенными (*proximi*) императора, в наибольшей степени влиявшими на политику. Понятие *proximi* у Аммиана включает в себя как консисторий и двор, так и, в большинстве случаев, префектов претория. Но говоря о приближенных, Аммиан в меньшей степени интересуется функционированием институтов гражданского управления, чем действиями отдельных личностей. Рассмотрение Аммианом более низких чинов укладывается в канву его исторического повествования и зависит от конкретных описываемых событий. В наибольшей степени Аммиана интересует деятельность тех персоналий, наделенных, прежде всего, судебными полномочиями, которые играли значительную роль (как правило, неприглядную) в отдельные периоды.

Власть потестариев и их функции в наибольшей степени связаны у Аммиана именно с судопроизводством. Термин *iudex*, применявшийся в Поздней Империи по отношению к различным гражданским чиновникам, часто употребляется и Аммианом, выражавшим через него противопоставление гражданской и военной администрации (XX. 5. 7: *civilis iudex – militiae rector*). Соответственно, характеристики, даваемые Аммианом действиям отдельных *iudices*, или общие высказывания относительно системы и принципов судопроизводства служат основой для понимания отношения историка к системе гражданского управления Империи в целом.

В центре внимания Аммиана находятся политические процессы, что объясняется, прежде всего, традициями античного историописания, нацеленного на изображение наиболее важных внешне- и внутривластных событий. Именно в рамках изображения этих процессов отчетливо проявляется критическая позиция Аммиана по отношению к судебной системе IV в., основанная на его политических воззрениях. Но в подобной критике, как в «*Res gestae*», так и в других источниках эпохи, отражались не только исторические факты, но и общие воззрения на принципы судопроизводства, ожидания общества (прежде всего, образованной его части). Соответственно, и указанная критика в «*Res gestae*» сочетает в себе две плоскости: изображение исторической реальности и основанные на политико-правовых концепциях того времени суждения

самого Аммиана. В связи с этим изображения политических процессов Аммианом содержат ряд противоречий и неясностей.

Критика Аммианом методов судопроизводства, как и рассмотрение деятельности гражданской администрации в целом, покоится, по большей мере, не на исследовании государственного управления Империи как системы, а на соображениях морального характера. Аммиан нигде не оценивает структуру управленческого аппарата и не дает каких-либо советов по ее реформированию. Для него не важен вопрос об «эффективности» этой структуры, его больше заботит соблюдение чиновниками и императорами определенных требований этического характера. Такой подход сказался и на репрезентации государственного управления в «Res gestae»: Аммиан специально более подробно останавливается на случаях отклонения от этических норм, драматизируя рассказ об этом, что видно из описания политических процессов. Но издержки такого подхода проявляются скорее в оценках самого Аммиана. В изложении фактов он сознательно или бессознательно отражал действительное положение вещей, что подтверждается другими источниками, в том числе и императорским законодательством. Так же, как и в описании деятельности императоров, общие оценки Аммиана и излагаемый фактологический материал иногда противоречат друг другу, так как «идейный» (идеальный) ракурс повествования, восходящий еще к позднереспубликанской идеологии, поддерживаемой сенаторской знатью, зачастую вынуждал Аммиана не совсем объективно оценивать современные ему институты. Тем самым, выявление «идеального» в сообщениях Аммиана о гражданском управлении IV в. способствует и пониманию политической реальности, отраженной в «Res gestae».

Во *втором параграфе* рассматриваются воззрения Аммиана на имперские финансы. Ко времени создания «Res gestae» в римском обществе существовала определенная система взглядов на финансовую деятельность государства, были выработаны принципы, которые восприняла не только политическая теория, но и (по крайней мере, на уровне пропаганды) императорская власть. В основе этой системы лежало представление об общем благе, воспроизводимое не только в позднеантичных нарративных источниках, но и в императорском законодательстве (CTh. XI. 7. 3; Nov. Th. 5. 3 etc.). Содержание понятия *salus communis* обширно, но неизменно включает экономическую составляющую, заключающуюся в справедливом и необременительном налогообложении, а также общественно значимых расходах государства, выразившихся в период Империи в «щедрости» (*liberalitas*) императора. Последняя становится одной из добродетелей, формирующих образ идеального правителя. В соответствии с этими представлениями Аммиан оценивает финансовую деятельность императоров и потестариев.

Аммиан выступает за сохранение традиционных источников доходов государства, пример чему он находит, прежде всего, в политике Юлиана. При этом общая положительная оценка финансовой деятельности некоторых императоров (Валентиниана I и Валента) сочетается у Аммиана с указаниями на использование дел об оскорблении величия как специфического источника доходов, не связанного напрямую с законными нормами налогообложения. Кроме того, описание таких случаев дает повод для критики не только (и не столько) финансовой политики императора, но и судопроизводства. Таким образом, общее благосостояние провинциалов выступает у Аммиана самостоятельным результатом налоговой политики, не связанным с другими методами получения доходов.

Значительное внимание в «Res gestae» уделяется и проблеме государственных расходов как одному из аспектов общественного благосостояния. Согласно представлениям о принципах финансовой политики, сложившимся еще во времена принципата, расходование как государственных, так и личных средств императора должно основываться не только на «щедрости», но и «бережливости» (*parsimonia*). При этом *parsimonia* принципсов проявлялась, прежде всего, в отношении к личным средствам, в то время как *liberalitas* – в публичной сфере, через общественно значимые расходы.

В *третьем параграфе* рассматриваются воззрения Аммиана на те аспекты позднеримской военной организации, которые относятся к ее функционированию как субъекта политического процесса и не связаны с чисто боевой деятельностью армии.

«Res gestae» является наиболее информативным из нарративных источников второй половины IV в. в отношении военной организации Поздней Империи. Опыт Аммиана позволил ему подробно рассматривать деятельность не только высших военных чинов, по аналогии с гражданской администрацией, но и среднего офицерского состава, и даже рядовой солдатской массы. Поэтому картина участия армии в политике у Аммиана в значительной степени детализирована.

Общие характеристики политического поведения армии, даваемые Аммианом, негативны и основываются на обвинении солдат в жажде наживы. В соотношении ролей гражданского управления и армии в политической жизни Империи Аммиан приоритет отдает первому. Подобные оценки Аммиана созвучны мнению авторов, близких сенаторской идеологии, так же рассматривавших армию как дестабилизирующую силу и схожим образом объяснявших причины поведения солдат.

Некоторые негативные высказывания Аммиана о роли варваров в военной организации связаны с общей проблемой «варваризации» позднеримской армии. Позиция Аммиана в данном вопросе не может быть оценена однозначно, так как содержит определенную двойственность авторских оценок и излагаемых фактов. В повествовании об отдельных

военных операциях варварские отряды нередко получают положительную характеристику Аммиана (XVI. 12. 45; XXV. 6. 11-15; 8. 1; XXXI. 13. 9). Тем не менее, негативные оценки роли варваров в римской военной организации у Аммиана преобладают. Такая двойственность, исходящая из следования литературным образцам и идеологии западноримской сенаторской аристократии, с одной стороны, и из собственного опыта историка – с другой, приводит к разделению в «Res gestae» чисто военных и политических функций варваров, находящихся на службе Империи. За варварами признается (открыто или имплицитно) определенная польза в военных действиях, но в целом, Аммиан видит в них (или в неумелом управлении ими) угрозу благополучию римского государства.

Политическое значение отдельных звеньев военной иерархии проявляется в процессе легитимации императорской власти, в котором позднеантичная армия играла ведущую роль. Если при избрании легитимного императора армия действовала в рамках уже закрепившейся процедуры, предполагающей выдвижение кандидатов на престол либо правящим августом, либо, в случае отсутствия такового, высшими чинами, то в случаях узурпаций роль войска была более активной. В рамках участия армии в узурпациях выделяется деятельность младшего и среднего офицерства, как результат усиления политической роли этого звена военной организации, связанного с ее трансформацией в IV в. Аммиан выделяет офицерство в качестве первоначального «ядра» узурпации. Но политическая роль младшего и среднего офицерства у Аммиана представлена лишь эпизодически, в противоположность высшим чинам военной иерархии – магистрам войск. В «Res gestae» содержится немало указаний на участие магистров в политическом процессе в различном качестве. При этом такое участие, как правило, направлено на поддержку правящего императора и подчинено давлению со стороны гражданской администрации.

Позднеантичная армия в изображении Аммиана предстает значительной политической силой, хотя отношение к ней у историка неоднозначное. Общие критические оценки, обусловленные, видимо, ориентацией на сенаторскую аудиторию, сочетаются с трезвым взглядом историка на происходящие события, несколько снижающим критический тон при изложении конкретных фактов участия армии в политической жизни Империи. Кроме того, на оценки Аммиана (как и в случае с гражданской администрацией) во многом влияли его собственные политические пристрастия. Соответственно, схожие политические действия, главным субъектом которых являлась армия, по-разному изображаются и интерпретируются Аммианом, как показывает узурпация Юлиана, представленная как законное наделение армией императорской властью.

В заключении формулируются основные выводы исследования.

Создавая свой исторический труд, Аммиан значительной место уделил описанию основных элементов политической организации

позднеантичного общества, что делает «Res gestae» действительно важным источником изучения этой организации как системы. Но, как показывает приведенный в работе материал, подход к выбору этих элементов и их оценка в «Res gestae» были обусловлены несколькими факторами, не дающими рассматривать Аммиана как исключительно достоверного историка. В научной литературе давно замечено, что не только оценка Аммианом многих политических действий, но и само их изображение подчинены представлениям Аммиана, коренящимся, с одной стороны, в его социальной принадлежности (или ориентировании на ценности определенных социальных групп), а с другой – в политических теориях, разработанных предшествующими и современными Аммиану авторами. Такой же подход проявляется и в репрезентации отдельных политических институтов и их роли. В то же время, нельзя полностью отрицать достоверность сообщений Аммиана, который был участником некоторых из описываемых им событий и представлял свой труд аудитории, также знакомой с ними. Повествование Аммиана, тем самым, объединяет два ракурса – идейный (идеальный) и реальный.

Складывание взглядов Аммиана не в последнюю очередь происходило под влиянием традиционных греко-римских политических концепций, переработанных позднеантичной политической теорией. Это обусловило особенности репрезентации политической реальности в «Res gestae», так как во многих случаях Аммиан не следует декларируемому (напр. XXVI. 1. 2) желанию беспристрастно исследовать исторические факты, но старается перенести идеал (основа которого сформировалась в совершенно другую историческую эпоху) на наблюдаемые им события. В то же время, такой подход не представляет исключения для современной Аммиану эпохи. Даже государственная идеология IV в. включала некоторые элементы данного идеала, которые использовались пропагандой для представления императорской власти обществу. Соответственно, Аммиан не столько игнорирует или искажает политическую реальность, сколько выбирает отдельные ее аспекты и преподносит их в соответствии со своими взглядами и политическими пристрастиями. При этом, в отличие от императорской пропаганды, трактовка Аммианом политического процесса основана на критическом отношении, так как разработанный в политической теории идеал не соответствовал реальным действиям императорской власти и аппарата государственного управления. Даже в наибольшей степени приблизившийся к идеалу Юлиан не избегает критики со стороны историка. Критика Аммиана усиливается литературными приемами, также почерпнутыми из традиций античного историописания. В то же время, эта критика касается в основном не организации системы государственного управления и не императорской власти как центрального института политической системы, а несоответствия действий лиц, облеченных властью, моральным принципам. Сами же моральные ценности зачастую становятся у

Аммиана инструментом в исследовании политических реалий, что также соответствует традиционному для античности рассмотрению политики.

Тем не менее, критика не определяет абсолютно подход Аммиана к выбору фактов. Некоторые действия даже критикуемых императоров или чиновников получают одобрение Аммиана, как это видно, например, по итоговой оценке финансовой политики Валента или военной деятельности Валентиниана I. В связи с этим историко-политическую концепцию Аммиана сложно признать целостной и непротиворечивой, а его характеристики отдельных политических деятелей (императоров, прежде всего) последовательными. Непоследовательность Аммиана ярче всего проявляется в несоответствиях генерализированных в «некрологах» оценок императоров и изложения их конкретных действий в ходе исторического повествования. Поэтому разделение «идеального» и «реального» в сообщениях Аммиана продолжает оставаться актуальной исследовательской проблемой.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Рубцова М.В. Аммиан Марцеллин о судебной системе Поздней Римской империи // Гуманитарные исследования на пороге нового тысячелетия. Сборник научных трудов молодых ученых ИФ АГУ. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 175-177.

2. Рубцова М.В. Взгляды Аммиана Марцеллина на бюрократическую систему Поздней Римской империи IV в. // Материалы XXXIX международной научной студенческой конференции "Студент и научно-технический прогресс". История. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2001. С. 7-9.

3. Рубцова М.В. Аммиан Марцеллин об узурпации как политическом действии // Античное общество IV: Власть и общество в античности. Материалы конференции антиковедов. СПб: Издательство С-Петербургского ун-та, 2001. С. 264-267.

4. Рубцова М.В. Аммиан Марцеллин и античная географическая традиция о Европе // Европа. Международный альманах. Вып. II. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2002. С. 5-10.

5. Рубцова М.В. «Res gestae» Аммиана Марцеллина в контексте позднеантичной исторической мысли // Власть, политика, право в античности и средневековье. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. С. 35-44.